

*Посвящается Айви Уайлд,
моей подруге-адвокату,
которая научила меня,
что оставаться на стороне закона
не только правильное,
но и самое экономное решение*

Человек, кроме всего прочего,
материальная вещь, которая легко ломается,
и ее не так просто починить.

Иэн Макьюэн «Искушение»

ПРОЛОГ

Кристиан

Ничего. Не. Трогай.

Единственное правило, которое моя мать всегда твердила. Но ребенком я знал, что лучше придерживаться его, если я не хочу получить порки ремнем и месяц есть просроченную кашу с жучками.

Во время летних каникул, сразу после того, как мне исполнилось четырнадцать, всполыхнула спичка, которая позже сожгла все дотла. Ярко-оранжевая искра захватила собой все и распространялась, разрушая мою жизнь и оставляя лишь дым и пепел.

Моя мать потащила меня на свою работу. У нее были довольно веские аргументы, почему я не мог остаться дома и заниматься ерундой. Одной из главных причин было то, что она не хотела, чтобы я стал таким же, как другие дети моего возраста. То есть курящим, взламываю-

щим замки и доставляющим подозрительные посылки для местных наркоторговцев.

Район Хантс Пойнт был местом, где мечты умирали. И хотя мою мать нельзя было назвать мечтательницей, для нее я был обузой. Вызволить меня не входило в ее планы.

К тому же оставаться дома, где все напоминало о реалиях моей жизни, было не тем, чего мне очень хотелось.

Поэтому мне достались ежедневные поездки с ней на Парк-авеню, только при одном условии: я не должен был трогать своими грязными руками что-либо в пентхаусе семьи Рот. Ни переоцененную мебель Henredon, ни панорамные окна, ни растения, привезенные из Голландии, и особенно, самое важное — их дочь.

— Она особенная. Не должна быть запятнана. Мистер Рот любит ее больше всего на свете, — напоминала мне мама, говоря с сильным акцентом на английском, так как была иммигранткой из Беларуси, пока мы ехали на автобусе, забитом другими уборщиками, ландшафтными дизайнерами и швейцарами, словно сардины в синей упаковке.

Арья Рот была проклятием моего существования еще до нашей встречи. Неприкосновенная драгоценность, бесценная по сравнению с моим ничтожным существованием. Долгие годы, до встречи с ней, она была моей неприятной фантазией. Образ с блестящими косичками, избалованной и плаксивой девчонки. У меня не было никакого желания встретиться

с ней, буквально ноль. На самом деле я часто лежал в кровати и ночами задавался вопросом, какие захватывающие и дорогие, доступные ее возрасту, приключения она замышляла, и желал ей всего самого плохого. Страшная авария, падение с обрыва, крушение самолета и цинга. В мыслях я представлял, как это все случилось с такой особенной Арьей Рот. Она подвергалась ряду ужасов, пока я бездельничал, ел попкорн и смеялся.

Все, что я знал об Арье благодаря благоговеиным рассказам моей матери, мне не нравилось. Хуже того, она была моего возраста, из-за чего невозможно было не сравнивать наши жизни, что приводило меня в ярость.

Она была принцессой из хрустального замка в верхнем Ист-Сайде, живущей в пентхаусе размером пять тысяч квадратных футов, такое огромное пространство, которое я даже не мог представить и уж точно осознать. Я же, в свою очередь, застрял в довоенной однокомнатной квартирке в Хантс Пойнт, где были слышны громкие ссоры между секс-работниками и их клиентами прямо под моим окном, а еще миссис Ван, которая ругалась на своего мужа. Вот он — саундтрек моих подростковых лет.

Жизнь Арьи пахла цветами, бутиками и фруктовыми свечами, легкий аромат которых оставался на маминой одежде, когда она возвращалась домой. В то время как зловоние рыбного рынка рядом с моей квартирой навсегда впиталось в наши стены.

Арья была милой, моя мама продолжала восхвалять ее изумрудные глаза, а я был неуклюжим и худым. Коленки и уши торчали как бы из неудачно нарисованной формы. Мама говорила, что рано или поздно я подрасту и все исправится, но с моим недостатком питания я в этом сомневался. Наверное, мой отец был таким же. Нескладный, но возмужавший с возрастом. Так как я никогда не видел этого ублюдка, у меня не было доказательств. Папочка ребенка Русланы Ивановой был женат на другой женщине и жил в Минске с тремя детьми и двумя уродливыми собаками. Билет на самолет в один конец до Нью-Йорка вместе с просьбой никогда с ним не связываться были его прощальными подарками, когда мама рассказала, что залетела от него.

Так как у моей матери не было семьи, а ее мать-одиночка умерла еще несколько лет назад, это выглядело как идеальное вдумчивое решение для всех. Для всех, кроме меня, конечно же.

Мы остались одни в Большом Яблоке¹ — в Нью-Йорке, относясь к жизни так, будто нас кто-то хотел убить. Или жизнь уже вцепилась в наши шеи, перекрывая доступ к кислороду. Все время казалось, что мы задыхались, словно нам не хватало воздуха, еды, электричества или права на существование.

Что подводит меня к финальному и самому губительному греху из всех, который совершила Арья Рот, к главной причине, почему я никогда не хотел ее встретить, — у Арьи была семья.

¹ Самое известное прозвище города Нью-Йорка. Возникло в 1920-х годах.

Мать. Отец. Много дядей и тетя. У нее была бабушка в Северной Каролине, которую она навещала каждую Пасху, и кузины из Колорадо, с кем она каждый год на Рождество ездила кататься на сноуборде. В ее жизни был смысл, направление, история. Она была оформлена в рамке, ровно расчерчена, где все отдельные кусочки были четко раскрашены, а моя казалась пустой и бессвязной.

У меня была мама, но казалось, что мы с ней случайно оказались вместе. Еще были соседи, с которыми мама никогда не хотела знакомиться, секс-работники, которые предлагали мне услуги за школьный обед, полиция Нью-Йорка, которая приезжала в мой район два раза в неделю, чтобы наклеить желтую ленту на разбитые лобовые стекла. Счастье было чем-то, что принадлежало другим людям, которых мы не знали: они жили на других улицах и у них была совершенно другая жизнь.

Я всегда чувствовал себя как гость в мире — наблюдатель. Но если я и буду наблюдать за чьей-то жизнью, то пусть это будет семья Рот: они жили идеально и красочно.

Итак, чтобы сбежать из ада, в котором я родился, мне нужно было всего лишь следовать инструкциям.

Ничего. Не. Трогай.

В конце концов я не просто тронул что-то.

Я прикоснулся к самой ценной вещи в доме Ротов.

Карье.

ГЛАВА 1

Арья

НАСТОЯЩЕЕ

Он придет.

Я знала это, даже если он опаздывал. Правда, он никогда не опаздывал до сегодняшнего дня.

У нас была назначена встреча каждую первую субботу месяца.

Он явится с хитрой ухмылкой, с двумя тарелками бирьяни¹ и с последними скандальными офисными сплетнями, которые были лучше любого существующего реалити-шоу.

Я потянулась, сидя под крышей квадратного готического внутреннего двора, пошевелила пальцами ног в туфлях от Prada, упираясь подошвой в средневековую колонну.

¹ Блюдо индийской кухни из риса и специй с добавлением мяса, рыбы, яиц или овощей.

Сколько бы лет мне ни было и насколько хорошо бы я ни овладела искусством быть безжалостной бизнес-леди, во время наших ежемесячных визитов в Клойстерс¹ я всегда чувствовала себя пятнадцатилетней девочкой, прыщавой и впечатлительной, благодарной за те крохи близости и любви, которые мне бросали.

— Подвинься, милая, еда капает, — сказал он.
Как и думала. Он пришел.

Я подогнула ноги, освобождая место для папы. Он достал два контейнера, испачканных в масле, и протянул один мне.

— Ты выглядишь ужасно, — заметила я, открывая контейнер. Запах мускатного ореха и шафрана ударил в нос, из-за чего у меня сразу потекли слюнки. Мой отец покраснел, отвел глаза и скорчил гримасу.

— А ты выглядишь прекрасно, впрочем, как всегда. — Он поцеловал меня в щеку, затем отодвинулся и оперся на колонну так, чтобы мы сидели друг напротив друга.

— Я могла бы есть это три раза в день, каждый день, — проговорила я, накальвая еду на пластиковую вилку. Нежные кусочки курицы падали на подушку из риса. Я отправила кусочек в рот, закрыв глаза.

— Неудивительно, учитывая, как ты весь четвертый класс только и питалась макаронами и сырными шариками. — Он посмеялся, после чего добавил: — Как идет завоевание мира?

¹ Музей в Нью-Йорке, филиал Метрополитен-музея.